

Нарратив как процесс диалогического взаимодействия автора и читателя

Общий антропоцентрический поворот, наметившийся к концу XX в. и доминирующий в лингвистических исследованиях в настоящее время, способствовал тому, что в фокусе исследовательского интереса вновь оказались различные нарративные практики, которые рассматриваются в общем массиве лингвистической литературы в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Если говорить о современных подходах к исследованию различных текстов, в том числе и художественных, то необходимо отметить, что в данном информационном пространстве установки когнитивизма, синтезируемые когнитивно-дискурсивной парадигмой, корректируются с учетом исходных положений парадигмы коммуникативной [1: 16]. Признав антропоцентричность и диалогичность текста, его исследователи, возможно и не являвшиеся на тот момент когнитивистами, фактически ответили на «вызов времени», которое объявило коммуникацию и диалог необходимыми условиями существования мысли. Без «*другого* – носителя индивидуального, группового или общественного сознания – становилась невозможной проблематизация отношения к миру и «Я» как его части» [2: 201].

Изучение коррелирующих понятий «автор» и «читатель» как глобальных текстовых категорий и ведущих антропоцентров художественного текста проводится большинством современных нарратологов и текстологов с учетом их характеристик как реальных когнитивных субъектов и ментальных аналогов, т.е. моделируемых, гипотетических сущностей. Изучение понятия «персонаж» как категории текста и антропоцентра текста также дополняется анализом персонажа как вымышленного когнитивного субъекта (квазисубъекта) и продукта когнитивной деятельности реальных соавторов (автора и читателя) [Щирова 2008; Андреева 2009; Гончарова 2008; 2012; Stockwell 2002; Emmott, et al. 2010].

Описание адресованности и диалогичности как категорий текста и материализованной программы интерпретации с позиций когнитивно-дискурсивного подхода является частью описания общих принципов диалогизма: адресат в этом случае воспринимается как неотъемлемый компонент творческого процесса, входящий в смысловую структуру текста и формирующий ее. Понимание всех перечисленных характеристик текста как «взаимодополняющих не будет означать механической суммарности, но раскроет текст как органическую цельность» [2: 201].

Таким образом, диалогическое и со-творческое взаимодействие между автором и читателем можно представить либо в виде диадической модели «автор ↔ читатель», либо более полной, триадической модели «автор ↔ текст ↔ читатель», которую Е.А. Гончарова называет «антропоцентрическим треугольником». Данный треугольник схематически показывает субъектно-объектные когнитивные и прагматические отношения между участниками литературной коммуникации (автор – читатель), с одной стороны, и между ними и вымышленными субъектами изображаемого в тексте возможного мира (повествователь, персонаж) – с другой. Соответственно, в основании антропоцентрического треугольника находятся два познающих субъекта, онтологически принадлежащие к объективному миру и превращающие текст как материальную (языковую) реальность в (поэтическое) произведение, – автор и читатель. Так, например, автор является концептуальным носителем сущностного признака текста и языка в целом – антропоцентризма, перерастающего в художественном тексте, для которого человек становится и центральным объектом поэтического познания, и изображения, в «абсолютный антропоцентризм» [3]. Таким образом, реализуемая в тексте субъективно-оценочная авторская позиция всегда предполагает взаимодействие двух когнитивных субъектов – творческого (автора) и со-творческого (читателя). Именно с когнитивной активностью читателя связывается завершенность литературной коммуникации.

Оформляя текст композиционно, автор выбирает и комбинирует языковые средства и устанавливает концептуальные параметры для создания вымышленного, фикционального, мира, т.е. реализует свой замысел на всех уровнях текстовой организации. Существует также мнение, что автор, руководствуясь определенными индивидуально- и социально-обусловленными ценностными мотивациями и используя те или иные коммуникативно-творческие стратегии, закладывает в текст конкретную интерпретационную программу, а следующий этим стратегиям читатель реализует ее, приобщаясь к авторской системе ценностей, т.е. разделяя авторскую позицию.

Однако о полном совпадении оценочных позиций автора и читателя можно говорить лишь подразумевая, что автор и читатель представляют собой «эталонных» коммуникантов, вовлеченных в поле создания и интерпретации нарратива. В ходе изучения способов взаимодействия автора и читателя исследователи выделяют более сложные и в большей степени соответствующие действительности модели диалога, возникающие при порождении и восприятии текста, например, «имплицитный автор\читатель», «идеальный читатель», «искушенный читатель» и пр.

несет исследователю «субъективную выгоду». Введение данных гипотетических сущностей в коммуникативную модель, основанную на триаде «автор ↔ текст ↔ читатель», позволяет исследователю обобщить свойства реальных участников литературной коммуникации и создать адекватную модель коммуникативной ситуации, возникающей в результате репрезентации и обработки текстовой информации.

В настоящее время установки когнитивной лингвистики определяют такие интерпретационные стратегии, в которых учитываются не только свойства «конкретной речи» и широкая совокупность знаний, но и делается дополнительный акцент на личностных аспектах интерпретатора и субъективном представлении текста в ментальном пространстве индивидуума [4: 31, 32]. Подобный подход является в полной мере оправданным, так как в реальной действительности совпадение смысловых полей автора и читателя исключается уникальностью их личностей. Своеобразие этического, эстетического, житейского и иного опыта интерпретатора, знание им языковых конвенций и сложность и смысловая «многоуровневость» поэтического языка программируют известную свободу интерпретатора в выборе интерпретативных решений и, как следствие, их множественность [5].

Анализируя структуру художественного нарративного дискурса, большинство исследователей выделяют в ней несколько антропоцентрических систем, среди которых категории автора и читателя оказываются основополагающими, так как порождают, так называемые вторичные системы, укорененные в смысловую ткань литературного произведения. Таким образом, система нарративного дискурса «возникает в процессе синергетического взаимодействия «первичной» (автор – читатель – интерпретатор-критик) и «вторичной» (повествователь – персонаж) антропоцентрических функционально-смысловых систем, в процессе которого так называемый объективный мир (как реальный фон литературной коммуникации) и фикциональный мир литературного произведения обогащают друг друга новыми смыслами, «переливаются» друг в друга» [6: 37]. Под синергизмом или синергией понимается взаимодействие нескольких систем, в результате которого создается эффект гораздо более значимый, чем если бы эти системы функционировали или применялись по отдельности.

В основе сущности обеих антропоцентрических структур заложены принципы функциональности и динамической подвижности. В результате диалога между автором и читателем-интерпретатором создается определенная динамическая система смыслов художественного произведения, представленная в виде взаимосвязанных образов и событий.

При этом «актуализированные знаковые носители смыслов» (языковые единицы) [6: 36] в тексте являются «маркерами» ментально-речевой деятельности создающего художественное произведение субъекта (автора), направленной на реализацию единой коммуникативно-творческой стратегии. Стратегия эта рождается из «сложной совокупности ментально-речевых операций», назначение которых – преобразовать сугубо практические функции языка в функцию поэтическую, характерную только для художественного произведения [3]. Кроме того, эта стратегия подхватывается и развивается читателем-интерпретатором, что в результате ведет к формированию дополнительных смыслов и образов, созданных на основе исходного текста, но актуализирующихся уже в других текстах и дискурсах. На описанную выше совместную когнитивную деятельность основных участников литературной коммуникации накладывается взаимодействие не менее сложных по своей природе систем текста как «некой словесно-речевой конструкции и языка с его собственными законами и нормами существования и развития» [6: 37]. Для интерпретатора-лингвиста именно язык и его составляющие как «инструментальная» основа художественной коммуникации являются той компонентой структуры текста, которая обеспечивает синергизм всех остальных элементов его формы и содержания и чье действие превышает действие, оказываемое каждым из этих элементов в отдельности на смысловое целое литературного произведения.

Таким образом, в пределах акта литературной коммуникации, прецедентом которой является какая-либо разновидность нарратива, основная функция автора как творца «как бы мира» текста (Лотман) состоит в реализации его специфической когнитивной и эмотивной структуризации и объективации данных структур в языковой материи. Интерпретация репрезентированного текста может осуществляться коллективным читателем в зависимости от его когнитивной, социальной специфики и целевых установок в бытовом и научно-исследовательском плане. Если говорить о втором ракурсе интерпретации нарратива, то в настоящее время выделяется целое множество подходов, которые могут реализовываться в идеях герменевтики, рецептивной эстетики, деконструктивизма, так называемой мифологической критики, которая сосредоточена на изучении механизмов глубинной психологии через анализ художественного текста. Также не сдает свои позиции и гендерный подход к анализу различных нарративов, ориентированный на осмысление «мужского и женского начал», определяющих художественно-образную и структурно-прагматическую специфику литературы. Несмотря на широкий диапазон подходов к интерпретации нарратива читателем, все они в той или

иной степени несут в себе когнитивную составляющую, свидетельствующую об антропоцентричности как самого объекта исследования, так и методологии его исследования.

Подводя итог всему, сказанному выше, следует отметить, что нарратив как процесс диалогического взаимодействия между автором и писателем, обогащенный характеристиками коммуникативных обстоятельств, в которых автор текста и его читатель(и) выступают в качестве «языковых личностей» и антропоцентров, превращают текст в когнитивно, психологически, социально, культурно значимое «дискурсивное событие». Иначе говоря, нарратив получает дискурсивные черты когнитивного события, поскольку в его содержании отражается определенная «авторская концепция действительности», или система «концептуально-смысловых установок» автора, в основе которых лежат индивидуальные, исторические, общественные и другие знания создателя текста. Одновременно с этим в дискурсивной проекции текст является коммуникативным событием, «погруженным в жизнь» [7: 136-137] и автора, и читателя, и общества в целом.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-18.
2. Щирова И.А. О человекомерности науки и текста // Международни часопис Стил. Београд, Республика Србија, 2008. С. 197-211.
3. Гончарова Е. А. Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: традиция и перспективы // Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. *Studia Linguistica*, XVII. СПб., 2008. С. 227-236.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. 400 с.
5. Андреева В. А. Текстовые дискурсивные параметры литературного нарратива: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 35 с.
6. Гончарова Е. А. О синергетическом характере категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2012. № 2. С. 30-38.
7. Арутюнова Н. Д. Дискурс // лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
8. Emmott C., Sanford A.J., Alexander M. Scenarios, Characters' Roles and Plot Status. Readers' Assumptions and Writers' Manipulations of Assumptions in Narrative Texts. // *Characters in Fictional Worlds. Understanding Imaginary Beings in Literature, Film, and Other Media*. J. Eder, F. Jannidis & R. Schneider (eds), Berlin: de Gruyter, 2010. P. 377-399.
9. Stockwell P. *Cognitive Poetics. An Introduction*. London – New York: Routledge, 2002. 194 p.